
Ольга
САХАЛИНСКАЯ
Мой главный
ПОВОРОТ
18+

Ольга Сахалинская

Мой главный поворот

«Автор»
2026

Сахалинская О.

Мой главный поворот / О. Сахалинская — «Автор», 2026

— Ну что, малая, — кривит губы в натянутой улыбке Арсений. — Будь осторожна. Удачи тебе.Он прощается. Вот так просто. Словно ставит точку. Дышать становится трудно, а в сердце впивается острый нож. К глазам подступают слезы.— Спасибо, — говорю, собрав всю волю в кулак. — И тебе тоже удачи. И спасибо за всё. За то, что не бросил меня одну на трассе.Делаю шаг в сторону, и в этот момент мимо проносится девушка в кислотно-ярком комбинезоне, оставляя за собой шлейф из приторно-сладкого запаха духов. Будто в замедленной съемке вижу, как она с визгом запрыгивает на шею Арсению. Он смеется, подхватывает ее под задницу, и они целуются. Страстно, жадно.Мой мир рушится. В глазах темнеет, слезы душат. Они смеются, счастливые и беззаботные. Идеальная пара. Я разворачиваюсь и бегу прочьЧто делать, когда влюбилась в мажора? Можно освоить сноуборд или даже приехать к нему на соревнования, чтобы он заметил меня.

© Сахалинская О., 2026
© Автор, 2026

Ольга Сахалинская
Мой главный поворот

Глава 1. Варвара

Солнце искрится на белом снегу, отражаясь в бездонном голубом небе. Включаю правый поворотник и с нетерпением сворачиваю на заправку. Утренние пробки на выезде из города выбили меня из колеи, и я совсем забыла про почти пустой бак.

«Ну и растяпа!» — мысленно ругаю себя, пока заправочный пистолет булькает, наполняя бензобак моей маленькой красной «Fiat 500». Малышка урчит от удовольствия, словно котенок, наевшийся сметаны. Я же скачу вокруг нее, как заведенная: проверяю шины, протираю фары — все должно быть идеально. Впереди дальняя дорога!

Выезжаю обратно на трассу и, нажав кнопку на руле, прибавляю громкость радио. Диктор бодрым голосом вещает о надвигающейся непогоде:

— К вечеру ожидается резкое ухудшение, сильный снегопад и гололедица, — предупреждает он.

Его интонации настолько серьезные, будто он объявляет о начале апокалипсиса.

Я усмехаюсь. Сейчас небо чистое, а дорога сухая — ничто не предвещает беды. Непогода точно не про меня, ведь у меня полный бак не только бензина, но и оптимизма! А еще — целый багажник шоколадных батончиков и термокружка с обжигающим кофе. Что может пойти не так?

В потоке мыслей погружаюсь в воспоминания — в то, что меня сюда привело.

Эта поездка — мой личный бунт, маленький, но важный шаг к свободе. Родители подарили мне на восемнадцатилетие эту машину, мою малышку, и я решила испытать ее дальней дорогой. Да и себя заодно.

Семья, конечно, была против.

— Куда ты одна поедешь? Это же опасно! Тем более зимой! — жужжала мама над ухом, пока я собиралась в прихожей нашей небольшой квартиры.

Мама душит заботой.

Но разве можно остановить восемнадцатилетнюю девчонку, когда на горизонте маячит мечта, когда пульсирует предвкушение приключения? Когда весь мир кажется огромной шоколадкой, которую хочется немедленно попробовать?

Нет, нельзя.

А мечтаю я о фестивале в горах, где царит атмосфера свободы, адреналина и драйва. Там соберутся все: новички, делающие первые неуклюжие шаги на доске; профессионалы, выписывающие невероятные пируэты в воздухе; и просто те, кто любит снег и доску, кто дышит этим морозным воздухом, кто чувствует себя живым, скользя по белоснежному склону. Это как Нарния, только со сноубордами.

Но истинная причина моей поездки, конечно, гораздо банальнее и романтичнее: в университете учится парень, который заставляет мое сердце биться чаще, пропускать удары.

Арсений Загорский.

Он старше на четыре года, что в мои восемнадцать кажется целой пропастью. Красавчик, спортсмен, окруженный ореолом недосягаемости. Этакий принц на белом коне, только вместо коня — крутая тачка, а вместо доспехов — дизайнерская куртка. И улыбка… от которой по коже бегут мурашки.

Однажды я видела, как он летит со склона — легко, непринужденно, словно парит над снегом. Это было так завораживающе! Как будто смотришь замедленную съемку в кино.

Тогда-то я и заболела сноубордом и почти безумной идеей привлечь внимание этого парня.

Я купила себе доску (розовую, конечно же!), взяла несколько уроков у инструктора и даже несколько раз упала, посадив себе пару синяков.

Болело все страшно, но что ни сделаешь ради цели?

Он, наверное, даже не подозревает о моем существовании. Хотя, может быть, и знает. Однажды я поймала его взгляд в столовой… Или мне это просто показалось?

Вибрирует телефон на держателе. На экране высвечивается абонент «Мамочка». Я вздыхаю и принимаю вызов через громкую связь.

— Алло, мам!

— Дочка, ты как? Доехала? Гололед ведь, зима!

— Нормально, мам. Еще часа два, наверное. Доеду — сразу позвоню!

— Смотри, будь осторожней! По радио говорят, снег обещают… Может, стоит вернуться?

— Мам, всё хорошо! Небо чистое. Я тебе позвоню, как только доберусь. Обещаю! Целую!

Быстренько прощаюсь и кладу трубку. Мама — это святое, но иногда ее гиперопека нервирует. Ну не маленькая же я уже!

Не успеваю я снова погрузиться в мысли, как вдруг машина дергается, раздается неприятный скрежещущий звук металла — будто кто-то изо всех сил царапает вилкой по тарелке — и лампочка «check» на приборной панели загорается зловещим красным светом. Она ехидно подмигивает мне, словно говоря: «Ну что, допрыгалась?»

Мое сердце проваливается куда-то в ботинки. Паника, холодная и липкая, сдавливает горло. С трудом сдерживая трясущиеся руки, я вцепляюсь в руль и съезжаю на обочину.

Дыши, Варя, просто дыши. Все будет хорошо.

Съехав на обочину, глупо озираюсь по сторонам. Вокруг только белое безмолвие и редкие сосны, облепленные снегом.

Дёрнув рычаг капота, выхожу на улицу, накинув капюшон. Щурюсь от яркого солнца, отражающегося от белого снега. Легкий ветерок поднимает поземку с полей. Веет настоящей зимой.

Обхожу машину и, отыскав вслепую защелку, поднимаю крышку капота, ставлю упор и бессмысленно заглядываю внутрь.

Передо мной запутанный клубок проводов, трубок и непонятных агрегатов. Я в устройстве автомобиля не понимаю ровным счетом ничего. Конечно, я знаю, где находится руль, педали и рычаг переключения передач, но на этом мои познания, к сожалению, и заканчиваются.

Просто стою и смотрю на эту металлическую головоломку, и на глаза наворачиваются предательские слезы. Я же даже колесо не смогу поменять…

Внезапно за спиной раздается властный рык мощного мотора. Большой черный внедорожник плавно обходит мою хлипкую машинку и останавливается впереди. Тонировка такая глухая, что за стеклами не видно вообще ничего. Я даже марку не узнаю — для меня все эти махины на одно лицо. Хотя, кажется, это «Крузак».

Водительская дверь открывается, и из салона выходит парень в темных джинсах, просторной черной худи и куртке.

Я замираю, как кролик перед удавом. Мое сердце колотится так сильно, что, кажется, его слышно в зимней тишине. Это… Не может быть. Я моргаю снова и снова, но видение не исчезает. Это он…

Глава 2. Варя

Я не верю своим глазам. Не может быть!

Арсений Загорский собственной персоной. Как такое возможно?

Он подходит неспешно, уверенной походкой. Взгляд оценивающий, изучающий, словно сканирует меня. Едва заметная дразнящая усмешка в уголках губ заставляет мурашки бегать по коже.

Не могу оторвать глаз. Он такой… настоящий. Никакой отфотошопленной картинки из социальной сети. Темные, немного растрепанные волосы, резкие волевые черты лица, широкие плечи, от которых веет силой и надежностью.

— Чего, малая, тут стоишь? Проблемы?

Голос низкий, чуть хрипловатый, с приятной бархатистостью. Именно таким я его и представляла.

Растерянность сковывает меня, словно ледяной панцирь. Слова застревают в горле комом. Судорожно сглатываю его и наконец выдавливаю:

— Да… Машина сломалась.

— А мы знакомы?

Он прищуривается, склоняя голову набок и внимательно разглядывая меня. Взгляд пронзительный, будто насквозь видит.

— Ну… не знаю, — бормочу смущенно, надеясь, что Арсений не заметит, как заливаюсь краской. Кажется, пылаю вся целиком. — В смысле, я-то тебя знаю, а ты меня вряд ли.

— Да ладно? С нашего универа, что ли? То-то лицо знакомым кажется, — улыбается во всю ширь, и на щеках появляются обворожительные ямочки. Дыхание перехватывает. — Ладно, давай посмотрим на твоего страдальца.

Арсений подходит ближе, легко и непринужденно берет меня за плечи, лихо отодвигая в сторону, чтобы заглянуть под капот. Снимает куртку и, недолго думая, протягивает мне.

— Подержи, а то испачкаюсь, — произносит так, будто это само собой разумеется.

— Но тебе же холодно! — возражаю, автоматически принимая теплую ткань и чувствуя смятение.

— Ничего, я парень горячий, — отмахивается, подмигивая, и снова склоняется над двигателем.

От этого дерзкого жеста у меня окончательно пропадает дар речи.

Стою, прижимая его куртку к груди, стараясь унять дрожь в коленях. Она пахнет морозом и дорогим парфюмом. Запах Арсения…

Всё еще не верю в происходящее, наблюдая, как он самозабвенно копается в моей машине с ловкостью, которой позавидовал бы любой автомеханик. Сильные умелые руки словно танцуют над внутренностями двигателя. Забываю, что машина сломана, полностью поглощенная этим зрелищем.

— Ну что я могу сказать… — Арсений выпрямляется, стряхивая с рук пыль. — Как хоть зовут тебя? — В голосе легкая ирония.

— Э… Меня… — Запинаюсь, словно забыла собственное имя. От волнения в голове оглушительная пустота.

— Ну же, не тяни кота за хвост, — усмехается Арсений, и я чувствую, как кровь приливает к моим щекам.

Ну почему я краснею, как дура?!

— Варя, — тихо отвечаю.

— Ну что, Варя, хана твоей машинке, — вздыхает Арсений театрально, с каким-то даже сочувствием. — Сломалась она у тебя всерьёз. Тут только эвакуатор поможет.

Ужас сковывает меня. На глаза наворачиваются слезы. Представляю, как родители будут ругать за эту злополучную поездку и потраченные деньги на эвакуатор и ремонт.

Отворачиваюсь, смахивая предательскую слезинку, чтобы Арсений не увидел мою слабость.

— Эй-эй, только без слез. — Его голос звучит мягче, участливее. — Ничего ужасного не произошло. Всё поправимо. Я позвоню ребятам, они её заберут и все починят. Не проблема.

Он достает телефон, пару раз тапает по экрану, отходит в сторону и негромко разговаривая. Слышу отрывки: «…да, красная, такая мелкая… да, на трассе… заберешь?»

Через минуту он возвращается.

— На буксире сможешь ехать?

Меня бросает в холодный пот. Буксир?

— Ни разу не пробовала.

— Не боись, я научу, — воодушевленно произносит и, положив руку на поясницу, подталкивает к водительскому месту. От его прикосновения по коже разливается приятное тепло.

Боже, что происходит?!

— Садись, — командует Арсений.

Я в прострации, в шоке. Двигаюсь заторможено, делаю глубокий вдох и протяжной выдох. Беру себя в руки, стараясь впитывать всё, что говорит Арсений.

Через двадцать томительных минут мы заезжаем на ту самую заправку, где я заправлялась. Останавливаюсь на стоянке, включаю аварийку и с облегчением выдыхаю.

Арсений подходит, открывает дверцу и заглядывает в салон.

— Выходи. Давай ключи, — говорит серьёзно, протягивая руку. Смотрю на него недоуменно. — Договорюсь с заправщиком, может, заплачу ему немного, чтобы присмотрел за машиной. Оставим ему ключи.

— А это безопасно? — сомневаюсь я.

Арсений улыбается краешком губ, отчего мои коленки снова предательски дрожат.

— Безопасно. — А он забавляется. — Кому она нужна? Она же не на ходу.

Неприятно от этих слов. Не надо так про мою малышку.

Молча отдаю Арсению ключи, и наши пальцы случайно соприкасаются. Лёгкий разряд тока пронзает всё моё тело, и я вздрагиваю, чувствуя странное тепло, разливающееся от кончиков пальцев по всему телу.

— А ты вообще куда ехала-то? — вдруг спрашивает Арсений, отвлекая меня от странных ощущений.

— Я?.. На фестиваль в соседний город, — бормочу, не отводя взгляда.

Лицо Арсения озаряет широченная обезоруживающая улыбка.

— Серьезно? Я тоже туда! — восклицает он, и я окончательно теряю дар речи. — Собирай свои вещички. Ценные и не очень.

— И куда я с ними? — растерянно оглядываюсь по сторонам.

Здесь ни остановок, ни населенных пунктов вокруг. Какой-то сюрреализм.

— Ты откуда такая чудная? — смеется он. — В мою машину переложим и поедем вместе.

У меня подкашиваются ноги. Это шутка? Сон? Я сошла с ума?

— Как… поедем? — не понимаю, хлопая ресницами.

— Ну не оставлю же я тебя тут одну замерзать, — пожимает плечами, как будто это самое очевидное решение в мире.

Всё еще не веря своему счастью, я медленно киваю и начинаю собирать рюкзак и сноуборд. Когда вытаскиваю длинный узкий чехол, Загорский удивленно поднимает брови.

— О, да ты, смотрю, со своим снарядом? Катаешься?

— Ну… пытаюсь, — снова краснею. — Учусь. Решила на фестивале попробовать силы.

— Круто, — одобрительно кивает он. — Ну что, Варвара, поехали покорять вершины?

Останавливаюсь перед пассажирской дверью огромного чёрного внедорожника, не решаясь сделать шаг.

— А… ты уверен?

— Абсолютно. — Арсений уже сидит за рулем и открывает мне дверь изнутри. — Залезай.

Глубоко вздыхаю, шагаю внутрь и опускаюсь на роскошное кожаное сиденье. Дверь с мягким щелчком захлопывается, отсекая внешний мир с его проблемами. В салоне пахнет кожей и мятной жвачкой. Арсений переводит взгляд на меня, снова одаривает своей обаятельной и немного наглой улыбкой, от которой мурашки бегут по коже, и трогается с места.

— Я, кстати, Арсений, — говорит он, глядя в лобовое стекло.

— Я знаю… — шепчу, чувствуя себя самой счастливой девушкой на свете.

Я не смотрю на него, но отчего-то знаю, что он улыбается.

Глава 3. Варя

Машина плавно плывет над дорогой, бесшумно проглатывая все неровности. Совсем не сравнить с моей малышкой… Я чувствую себя выжатым лимоном, но здесь мягкое сиденье, климат-контроль, полная изоляция от внешнего мира. Комфорт, да и только.

Я пытаюсь прийти в себя, незаметно пощипывая запястье. Украдкой поглядываю на Арсения. Он уверенно держит руль, глядя прямо перед собой. Темно-каштановые волосы слегка падают на лоб, открывая красивый чёткий профиль с ровным носом и чувственными губами. Арсений сосредоточен на дороге, а я не могу отвести взгляда о него. Нельзя же быть таким красивым!

Не верится, что удача улыбнулась мне так просто — Арсений Загорский меня заметил, пусть и при таких обстоятельствах. Да и вряд ли это значит, что наше общение теперь станет постоянным и продлится долго. Скорее всего, он и не вспомнит обо мне уже завтра. Максимум — расскажет друзьям о том, как помог одной малышке с её машиной. Я тихо смеюсь над своими же мыслями.

Во всей этой суматохе я даже не успела спросить, сколько буду должна за эвакуатор и ремонт. Этот вопрос сверлит мозг. Нужно обязательно узнать. Сумма наверняка будет астрономической.

Арсений внезапно поворачивается и ловит меня за разглядыванием. Я не успеваю отвести взгляд. Уголки его губ дергаются в легкой улыбке. Кажется, меня спалили.

Боже, как неловко-то!

Щеки мгновенно вспыхивают. Кажется, мои скулы выдают меня с потрохами.

— А ты смелая, — неожиданно нарушает он тишину, и от его бархатистого голоса по телу пробегает легкая дрожь.

— Почему? — смущенно выдыхаю, теребя собачку на пуховике.

Глупый вопрос, конечно. Арсений же явно про мою «авантюру» на трассе говорит.

— Поехать на зимнюю трассу на такой… — он запинается, подбирая слова, — извини, конечно, но твоя машина — шушлайка. Такие не очень приспособлены для сибирской зимы.

Я чувствую укол в самолюбие.

У него, конечно, машина — зверь. Глупо сравнивать с моей. Моя хоть и маленькая, зато уже стала родной. Кто виноват, что она решила сломаться именно сейчас?

Повисает пауза. Я чувствую на себе взгляд Арсения. Он будто сканирует меня. Пытаюсь не смотреть в его сторону, но краем глаза замечаю, что он все еще смотрит.

— Это не моя тачка, — пожимает Арсений плечами. — Отцовская. Взял у него — знал, что придется ехать по трассе, да еще и по снегу.

— Как раз хотела узнать: сколько я тебе должна за эвакуатор и ремонт? — спрашиваю я.

Арсений ухмыляется, бросив на меня быстрый взгляд. В его глазах мелькает какой-то странный огонек.

— Потом решим. Не волнуйся, внакладе не останусь.

Я понимаю, что он, скорее всего, шутит. Но почему-то от этих слов мне становится совсем не по себе. В голове тут же возникают непристойные картинки. Ну а вдруг он потребует отработать в качестве компенсации? Да что со мной?! Щеки горят. Я отворачиваюсь к окну, пытаясь спрятать смущение.

После долгой неловкой паузы Арсений спрашивает:

— А ты что вообще слушаешь? Какую музыку любишь?

Вопрос — будто брошенный спасательный круг.

— Я больше по поп-музыке, но могу и рок послушать, и даже шансон, — отвечаю, вспомнив, как папа любит в машине такие песни слушать. Это помогает ему расслабиться после тяжелой смены.

— Забавно, — усмехается он. — У меня примерно такой же плейлист. Универсальный солдат, — комментирует он.

Арсений перебирает радиостанции, которые, к сожалению, ловятся плохо: шипит, трещит всё. На трассе всегда так. Останавливается на той, где играет смесь всего подряд: то поп, то рок, то что-то невнятное.

Напряжение понемногу спадает. Я, расслабившись, плотнее кутаюсь в пуховик. Меня начинает клонить в сон. Усталость берет свое.

Сквозь дрёму чувствую, как машина плавно тормозит и останавливается.

Я открываю глаза и с трудом соображаю, где нахожусь. Поворачиваю голову и тону в зеленых глазах, которые изучают меня… с нескрываемым интересом. В них плещется тепло, но чувствуется какая-то… хищность? Арсений сидит полубоком, облокотившись на руль. Меня словно пронзает током.

Боже! Я сонная с растрепанными волосами. Он видел, как я сплю! А если у меня текли слюни?

Я мечусь, приводя себя в порядок, приглаживая волосы, убирая выбившиеся пряди за ухо. Хоть тушь не потекла — уже прогресс.

— Прости, я уснула, — бормочу, заливаясь краской. — Где мы? — Я осматриваюсь по сторонам. Мы на заправке! Слава богу, не в глуши. Есть шанс привести себя в порядок и купить перекус.

— Ты голодна? — спрашивает Арсений, не отрывая от меня пронзительного взгляда. Почему он так пристально смотрит?

Я качаю головой, избегая его взгляда.

— Все равно перекусим. Давай что-нибудь возьмем, — гнет свое, не выключая зажигание.

Его настойчивость вызывает у меня одновременно и протест, и… какое-то странное волнение. Он что, не понимает, что я стесняюсь?

— Мне ничего не надо, — неуверенно протестую, но тут мой желудок издает такой оглушительный звук, что мне хочется провалиться сквозь землю.

— А говоришь не надо, — с легкой насмешкой возражает Арсений. — Так что будешь?

— Что себе возьмешь, то и мне, — сдаюсь я, понимая, что спорить бесполезно.

И есть действительно хочется. Последний раз я ела утром, и это кажется, было в прошлой жизни.

Арсений выходит и направляется к зданию заправки. Спустя несколько минут возвращается с двумя стаканчиками кофе и двумя хот-догами в шуршащей бумаге.

— Держи, — вручает их мне. — Нам ехать еще прилично.

Мы молча перекусываем на ходу, чтобы не терять времени, и продолжаем путь. Глотаю горячий кофе и чувствую, как тепло разливается по телу.

Погода стремительно портится. Свинцовые тучи нависают над горизонтом, ветер усиливается, с яростью раскачивая голые обледенелые ветви деревьев.

Быстро спустившиеся сумерки усугубляют ситуацию. Фары высвечивают лишь небольшой участок дороги, а дальше — непроглядная тьма.

— Похоже, будет буря, — констатирует Арсений, подавшись вперед к лобовому стеклу и посмотрев на небо. — Да и синоптики обещали.

— Ну хоть в этот раз они угадали, — отзываюсь я, улыбаясь, неуклюже пытаясь таким образом разрядить нарастающую тревогу.

Вспоминаю, как мама всегда говорила: «Природа ошибок не прощает».

По лицу Арсения тоже скользит легкая улыбка. Вроде бы посмеялись, но тревожное предчувствие нарастает. И, словно в подтверждение моих опасений, внезапно начинает валить снег, буквально через пять минут превращаясь в сильную метель. Крупные хлопья яростно хлещут по лобовому стеклу, превращая дорогу в белую кашу. Видимость падает до нуля.

Глава 4. Варя

Зрелище завораживающее, но лишь когда наблюдаешь из теплого уюта. Сейчас же, в кромешной тьме на трассе, эта красота пугает.

Бросаю взгляд на Арсения. Он вцепился побелевшими пальцами в руль, смотрит только на дорогу, так, словно пытается силой мысли растопить эту непроницаемую белую стену. Напряженное лицо, стиснутые челюсти, желваки играют. Сейчас Арсений кажется не тем обаятельным парнем, который пришел мне на помощь на трассе, а суровым воином, готовым к схватке.

Напряжение растет — его и мое. Эта молчаливая тревога, густым комом повисшая в салоне, пугает гораздо сильнее моей приближающейся истерики.

— Всё в порядке? — робко спрашиваю, стараясь сохранить подобие спокойствия в голосе. Боюсь спугнуть его концентрацию, но молчание становится невыносимым.

Арсений едва заметно дергано кивает, не отрывая взгляда от дороги.

В этом коротком жесте чувствуется поддержка.

Украдкой смотрю на навигатор, прикидывая, сколько нам осталось ехать. Сто километров. В идеальных условиях — час, максимум два. Но с нашей черепашьей скоростью из-за метели это расстояние кажется бесконечным.

Машину резко трясет, Арсений тормозит, выругавшись сквозь зубы, и стремительно сбавляет скорость. Сквозь пелену белой мглы внезапно проступают красные огни попутки, и мы едва успеваем избежать столкновения.

Тревога скручивает желудок в ледяной узел. Сердце бешено колотится в груди.

— Откуда она взялась? Боже, как же страшно!

— Кого-то догнали, — спокойно произносит Арсений, но в голосе проскальзывает обреченность.

Он старается скрыть свой страх, но тщетно.

Мы едем уже около получаса, видимость падает практически до нуля. Снег хлещет по лобовому стеклу, дворники едва справляются. Арсений сбрасывает скорость до минимума.

— Черт, — с досадой произносит Арсений, вглядываясь в дорогу. — Кажется, мы проскочили нужный съезд. Эта метель… ничего не видно.

Сердце замирает.

— Навигатор? — почти умоляюще спрашиваю я, следя за тем, как Арсений нажимает на сенсор мультимедийной системы, притормаживая.

Техника не слушается, не реагирует на команды.

— Черт, черт, — раздраженно говорит Арсений, хлопая по рулю рукой. Это меня пугает.

Арсений снова и снова нажимает на экран, но тот лишь тускло мигает и в итоге гаснет.

— Навигатор сдох, — констатирует он с леденящим спокойствием, от которого по спине бегут мурашки.

Всё во мне обрывается. Тот самый тугой узел в желудке развязывается, выпуская на волю леденящий ужас.

Кажется, мы заблудились. Заблудились в кромешной тьме, в буране, который становится все яростнее. Воздух в салоне становится густым, тяжелым, им невозможно надышаться.

— Что… что мы будем делать? — сиплю я севшим от волнения голосом. Сглатываю комок, подступивший к горлу. Предательские слезы застилают глаза. — Мы здесь замёрзнем. Мы…

— Варя, соберись! — Голос Арсения звучит резко, почти по-командирски. Он на секунду отводит взгляд от дороги, и впивается им в мои глаза. В нем нет злости. — Паника — это роскошь, которую мы сейчас не можем себе позволить. Понимаешь? Дыши. Глубоко. Дыши!

В последних словах слышится мольба. Видимо, я его только сбиваю. Моргаю, пытаясь очистить взгляд от слез, делаю судорожный вдох. Воздух обжигает легкие.

— Вот так. Умница, — бормочет Арсений, поглаживая мое колено, сжимая его и всматриваясь в кромешную тьму. От его прикосновения по телу разливается тепло, но страх не отступает.

Арсений тянется к бардачку, и достает коробку с салфетками.

— На. Вытри слезы. Нытик, — пытается пошутить, улыбаясь впервые за последние несколько часов. — Да-а-а, Варя, с тобой на дело не ходить… — продолжает улыбаться.

Улыбаюсь и я. Правда, это скорее нервная ухмылка.

— Давай мыслить рационально. Раз есть дорога, значит она куда-то ведет, — рассуждает Арсений. — Хотя назвать это дорогой сложно, — добавляет он на очередном ухабе, от которого машину сильно качает. Буря трясет машину мощными порывами ветра.

— Логично.

— Смотри в оба. Ищи хоть какие-то огни, строения, хоть что-нибудь.

Я принимаюсь выполнять задание, заставляя себя смотреть за окно, вглядываясь в эту кружащуюся белизну, пока глаза не начинает покалывать от напряжения.

Кажется, мы едем целую вечность. В основном в тишине. Арсений периодически вставляет реплики, разряжая обстановку. По ощущениям, буря не утихает, а, наоборот, набирает обороты.

И вдруг, в сплошной белой стене мелькает что-то темное. Прямоугольник. Еще один.

— Арсений! Смотри! — вскрикиваю я, указывая пальцем вперед.

Он резко тормозит, машину слегка заносит на нечищеной дороге.

— Что?

— Там! Справа! Какие-то… домики?

Он всматривается, наклонившись к лобовому стеклу. Сквозь снежную пелену проступают смутные очертания крыш и покосившихся заборов.

— Похоже на заброшенную деревню, — произносит он. Впервые за этот кошмар в его голосе проскальзывает облегчение. — Вряд ли хоть один дом уцелел, но выбирать не приходится.

Мы медленно крадемся по улице, словно призраки. Окна домов черны, некоторые зияют провалами, как глазницы. Все вокруг безжизненно. Ветер воет в щелях.

— Как в фильмах ужасов… — невольно вырывается у меня.

— И часто ты такое смотришь?

— Ты лучше спроси, как я их смотрю.

— Ну и как же? — В голосе слышится улыбка.

— С пальцем на кнопке на пульте… Чтобы вовремя переключить на что-нибудь безобидное, — отвечаю я и тихо хихикаю.

— Забавная ты, — тепло произносит Арсений, надолго задерживая на мне взгляд.

В тусклом свете приборной панели его лицо кажется особенно привлекательным, отчего во мне разливается приятное тепло. Но это тепло тут же гаснет, сменяясь тревогой. Что нас ждет в этой глуши?

Наконец мы замечаем неказистый домик с относительно целой крышей и уцелевшей дверью. Рядом с ним полуразвалившийся сарай.

— Кажется, здесь, — решает Арсений, направляя машину к дому и стараясь прижаться как можно ближе к обочине, чтобы хоть немного убрать её с проезжей части.

Он глушит двигатель, и тишина обрушивается на нас. Лишь завывание ветра и удары метели по машине нарушают ее зловещую торжественность. Эта тишина пугает сильнее любого шума.

— Ну что, Варвара, — Арсений поворачивается ко мне. Лицо бледное, усталое, но взгляд решительный. — Боишься?

— Уже нет, — отвечаю уверенно.

— А меня? — вскидывает бровь, лукаво прищуриваясь.

— А стоит? — включаюсь в его игру. — В любом случае, как говорится, поздно пить боржоми.

— Это точно, — задумчиво тянет Арсений, не отрывая взгляда. — Ладно. Сейчас я выйду, возьму из багажника все самое теплое. Ты жди сигнала и выходи из машины только после него. Поняла?

— Так точно, — киваю, а в животе порхают бабочки, хотя мне все еще тревожно.

— Ну все, я пошел.

Арсений натягивает шапку, застегивает куртку, натягивает перчатки, открывает дверь и выпрыгивает в снежную мглу.

Я тоже готовлюсь к выходу.

Буря обрушивается на меня с яростью, едва не сбивая с ног. Ледяной ветер пронизывает одежду, обжигает лицо, а снег, словно мелкие иглы, слепит глаза и забивается под воротник. Кажется, стихия хочет вырвать меня из машины и бросить в белую пропасть.

— Держись ближе, иди по моим следам! — доносится крик.

Я пробираюсь за Арсением к двери, проваливаясь в сугробы. Ноги мгновенно коченеют. Каждый шаг дается с трудом.

Арсений дергает ручку, но дверь не поддается.

— Черт! — рычит он, но не сдается.

Отступает на шаг и с размаху бьет плечом рядом с замком. Дерево с треском ломается, дверь распахивается, ударившись о внутреннюю стену.

Мы вваливаемся внутрь, и Арсений с усилием захлопывает дверь, отрезая нас от бушующей снаружи стихии.

Нащупав выключатель, он щелкает, но ничего не происходит. Арсений достает фонарик и осматривается, лучом света выхватывая из мрака бревенчатые стены, покрытые плесенью, обшарпанную печь и густую паутину в углах.

Дрожа всем телом, я тоже осматриваюсь. Здесь промозгло, темно и пахнет пылью, сыростью и забвением.

— Ну не дворец, конечно, — усмехается, но в его улыбке я вижу облегчение. — Зато крыша над головой и стены вроде целые. Главное, согреться и переждать стихию.

Ноги становятся ватными, и я сползаю по стене на пол. Закрываю лицо руками и позволяю себе тихо заплакать. От страха, от измученности, от облегчения и от осознания, что мы совершенно одни в этом месте.

Глава 5. Варя

— Варя, эй, земля вызывает! — раздается натянуто-веселый голос Арсения прямо над ухом.

Я вздрагиваю и поспешно смахиваю слезы.

— Ты что, опять плакать удумала? — продолжает он, присаживаясь на корточки передо мной, и кладет руки на мои колени.

— Нет, — всхлипываю я, силясь придать голосу уверенность. — Тебе показалось.

Поднимаю голову. В полумраке лица почти не разобрать, лишь два блестящих уголька глаз. Арсений так близко, что его терпкий аромат перебивает затхлый запах старого дерева и плесени.

— Ты же боец, смелая, — тихо говорит он, и в голосе слышится улыбка. — Выехать на трассу в зимой на шушлайке — это поступок!

— Может, хватит мою машину так называть? — огрызаюсь я, в шутку ударив его по руке, лежащей на моем колене.

Он смеется, и волна тепла прокатывается по моему замерзшему телу.

— Ну вот, зато ожила, — воодушевленно говорит Арсений, хлопает меня по коленям и вскакивает на ноги. — Давай-ка лучше помоги мне огонь развести, а то околеем тут.

Арсений, на удивление, оказывается поразительно деятельным. Сначала он откуда-то из комнат приносит старинную керосиновую лампу, как была у моей бабушки в деревне. Зажигает её, и комната немного освещается. После с фонарем в зубах начинает хозяйничать, будто всю жизнь тут прожил.

Выпрямляюсь, достаю телефон. Вибрация в руке сообщает о множестве эсэмэсок и пропущенных звонков.

— Связь есть! — радостно восклицаю я, как будто только что выиграла миллион. — Может, помощь вызовем?

Арсений замирает с охапкой дров в руках.

— Думаю, до утра можно дотянуть. Не на вертолете же за нами лететь, — хмыкает он. — Завтра посмотрим, где мы и как сильно замело дорогу.

Хочу набрать маме, но вызов не проходит. Отправляю сообщение, что всё в порядке. Пересказывать, что со мной случилось, — последнее, чего мне сейчас хочется.

Хочу помочь Арсу, но тело дрожит от холода и пережитого стресса.

Я только наблюдаю, как он ловкими движениями собирает щепки и обломки досок, разбросанные по полу. В его движениях прослеживается уверенность, так контрастирующая с моим отчаянием.

— Варь, — его голос вырывает меня из оцепенения. — Подойди поддержи телефон, посвети мне.

Я послушно подхожу.

Арсений открывает дверцу печи, аккуратно укладывает дрова. Достает зажигалку, поджигает какой-то старый потрепанный журнал и бросает его в печку.

— Не ожидала от тебя таких навыков, — вырывается у меня прежде, чем я успеваю подумать.

Арсений усмехается:

— Есть немного. Родители у меня те еще креативщики. В школе отправили меня в скаутский лагерь. Там обучали базовым навыкам выживания.

Вскоре в печи начинают трещать первые язычки пламени. Озорные искорки пляшут, пожирая бумагу и дерево. Сначала робкие, потом все более уверенные. И скоро огонь уже трещит и отбрасывает на стены пляшущие тени.

Тепло медленно заполняет комнату, щиплет кончики пальцев.

Арсений расстилает спальный мешок прямо возле печи, подстелив под него одеяла, которые лежали стопкой на продавленном диване, и похлопывает рукой.

— Присаживайся.

— Спальный мешок? Серьезно? — иронично спрашиваю я.

— Сам в шоке, — улыбается он. — Но у моего бати есть все. Как говорится, на все случаи жизни. Он у меня заядлый рыбак, часто с мужиками выбирается в дикую природу, подальше от цивилизации.

Мы устраиваемся у огня. Тепло проникает под одежду, и напряжение понемногу отступает.

— Знаешь, а я в детстве в таком же доме у бабушки жила, — вдруг говорю я, сама не ожидая от себя такой откровенности. — Мы пили чай с малиновым вареньем, когда я болела. Кажется, это было самое счастливое время.

Я замолкаю, испугавшись, что сказала лишнего.

Арсений не смеется, не перебивает.

— Повезло, — тихо отвечает он. — У меня детство прошло между репетиторами по математике и английскому. Отец считал, что любое времяпровождение без пользы — моветон. Даже в снежки поиграть было нельзя. «Непрактично».

Вот оно что… За маской самоуверенного мажора прячется несчастный ребенок. У меня в голове что-то щелкает.

— А сноуборд? Это ведь тоже не особо практично.

В глазах Арсения вспыхивает искра.

— Это и начиналось как протест, а потом превратилось в маниакальную одержимость от ощущений… Несёшься вниз, будто летишь над землёй, разрушая все барьеры на своем пути, — мечтательно произносит Арсений.

Я заслушалась, ловя каждое его слово. Оказывается, мне интересно слушать о том, чем он живёт.

— Ну а ты?

Вопрос застает врасплох.

— Что я? —

Смущаюсь.

— Варюх, не висни, — поддразнивает Арсений, забавляясь моим замешательством. — Я про сноуборд.

«Варюх…» Словно мы знакомы целую вечность, а не пару часов.

И что мне сказать? Что из-за него я пошла на этот шаг? Соврать или сказать правду? Мысли мечутся в голове. Смотрю на огонь и словно тону в его пляшущих языках.

— Смотрела много соревнований по телевизору… — уклончиво отвечаю.

— Ну, у тебя будет возможность продемонстрировать мне свои навыки, — вкрадчивым голосом с хрипотцой говорит Арсений.

И почему-то мне кажется, что речь не только о сноуборде. В его взгляде, брошенном на меня, читается нечто большее. По спине пробегает легкий морозец, заставляя кожу покрыться мурашками.

Закусив губу, стараюсь скрыть вспыхнувший румянец и вспоминаю, что мечтала о том, чтобы Арсений посмотрел на меня так, чтобы почувствовать то самое волнение внизу живота. Но сейчас, когда он так близко, когда его взгляд прожигает насквозь, меня сковывает неловкость.

Разговор клеится. Мы говорим об универе, о преподавателях, о любимых книгах и фильмах. Постепенно я расслабляюсь, чувствуя, что между нами появляется что-то общее. Замечаю, как тепло он смотрит на меня, как искренне смеется над моими шутками, слегка касаясь моей руки пальцами.

Тем временем жар от печки утихает, и вместе с ним возвращается колючий холод.

— Дров больше нет, — констатирует Арсений, заглянув внутрь. — Так мы до утра не дотянем. Одежда на не согреет.

Его взгляд становится серьезным… оценивающим.

— Варя, есть только один способ не замерзнуть. Нужно снять влажную одежду и греться друг о друга. Теплом тел.

В его глазах нет ни намека на похоть, лишь суровая необходимость. Но у меня перехватывает дыхание. Сердце колотится где-то в горле, отбивая чечетку в ушах. «Теплом тел…» По моему́ пробегает дрожь.

Как я могу раздеться перед Арсением?

Вселенная явно смеется надо мной. Иначе как объяснить это безумие?

Я, ночь, парень, который мне нравится, один спальный мешок на двоих.

Как мне пережить этот контакт, эту ночь, не выдав себя?

— Я… я не знаю… — бормочу, а щеки еще больше пылают.

— Варя, — голос Арсения становится мягким, обволакивающим, но настойчивым. — Это не про стыд. Это про выживание. Доверься мне.

И в этот момент, глядя в его темные глаза, я понимаю, что доверяю ему. Больше, чем кому-либо.

Медленно и почти незаметно, но я киваю.

Арсений нежно касается моей щеки ладонью и смотрит так, что слова растворяются. И я понимаю, что совсем не против этой ночи.

Он тушит лампу, погрузив нас в темноту, нарушаемую лишь слабым светом еще тлеющих углей. В тишине слышен лишь шелест ткани и мое прерывистое дыхание.

Чувствую себя скованно, парализованная страхом и одновременно… желанием.

Снимаю свитер, джинсы, дрожащими пальцами стягиваю носки. Холод накрывает новой волной, заставляя зубы стучать друг о друга.

Арсений делает то же самое рядом. В темноте исчезают все барьеры, обнажая тела, дрожащие от холода и смущения.

— Залезай в спальник, — тихо командует он.

Я послушно лезу в спальный мешок. Он пахнет костром. Арсений забирается следом.

Лежим. Между нами повисает оглушительное молчание.

— Варь, обними меня, — Арсений притягивает меня к себе.

Мы тесно прижимаемся друг к другу. Его кожа горячая, мышцы под моими ладонями твёрдые.

Прислоняюсь лбом к плечу и чувствую бешеный стук сердца, которое вторит моему.

Сначала мы лежим неподвижно, застыв в этой вынужденной близости. Потом дрожь отступает, сменяясь странным ползучим теплом. Оно согревает лучше огня.

Я чувствую каждое движение Арсения, каждый его вдох. Его рука лежит у меня на талии, и это так… правильно.

— Теплее? — хрипло спрашивает Арсений.

Его губы касаются моих волос, от его дыхания чувствую легкое покалывание на коже.

Киваю, боясь, что голосом выдам бурю, бушующую внутри.

Смущение и страх уступают место чему-то новому, трепетному и… пугающе прекрасному. Завывание метели за окном больше не кажется угрозой.

Она теперь просто как саундтрек к нашему маленькому хрупкому мирку, где есть только мы.

И эта ночь, которая только начинается…

Глава 6. Варя

Я открываю глаза и замираю. Лежу в объятиях Арсения. Он обнимает меня за талию, его горячее дыхание с запахом мяты щекочет кожу на виске.

Боюсь пошевелиться, чтобы не спугнуть этот момент.

Рассматриваю каждую черту лица спящего Арсения: ровный прямой нос, чуть нахмуренные густые брови, волевой подбородок с едва заметной щетиной. Арсений кажется нереальным. И он так близко.

Вдруг его веки вздрагивают, и он открывает глаза. Наши взгляды встречаются. Между нами словно проскакивает искра. Мы просто смотрим друг на друга, потерянные, оглушенные. В его глазах я вижу смятение, удивление и что-то ещё, от чего мое сердце начинает бешено колотиться.

Арсений притягивает меня к себе, и я не успеваю понять, что происходит, как его губы накрывают мои. Я не смела об этом даже мечтать. Его поцелуй такой терпкий, горьковатый, а пьянящий аромат его кожи лишает меня рассудка, воли, всего.

Арсений углубляет поцелуй, становится настойчивее, требовательнее. Я тихо стону, и это словно раззадоривает его. Арсений языком проникает в мой рот. Мир вокруг снова исчезает, остается только спальник и эта точка соприкосновения наших тел.

Большая ладонь Арсения скользит по моей спине, задерживается на бедре, сжимает и притягивает меня к себе так плотно, что я чувствую каждую мышцу его тела и его возбуждение. Во мне всё пульсирует, требует большего. От ощущения его рук на моем теле перехватывает дыхание.

Но внезапно резкий звук снаружи обрывает эту раскаленную нить. Арсений отстраняется от меня, как от огня. В его глазах испуг, беспокойство, вспышки все еще тлеющей страсти и замешательство.

— Доброе утро, — хрипло шепчет Арсений, шаря глазами по моему лицу. Его зрачки заполняют всю радужку.

— Д-доброе, — отвечаю. Не могу отвести от него взгляда. Все тело пропитано напряжением от возбуждения.

— Нам пора.

И всё. Волшебство разбивается вдребезги. Меня словно окатывают ледяной водой. Почему? Что изменилось? Сердце болезненно сжимается.

— Полежи немного, погрейся, — останавливает он меня, когда я уже собираюсь встать.

Между нами повисает тяжелое молчание. Арсений торопливо поправляет бугор в боксерах. Мне становится нестерпимо жарко от осознания, что он возбудился, и лицо снова заливается румянцем.

Выбираюсь из кокона. Холодный воздух обжигает разгоряченную кожу.

Арсений протягивает мне джинсы и свитер, стараясь не смотреть на меня. Но я вижу, как дрожат его пальцы. Он тоже взволнован.

***

Миновав расчищенные от снега заметы, мы продолжаем путь.

Я провела почти сутки наедине с парнем, о котором мечтала. В его объятиях. В объятиях самого Арсения Загорского! Никто не поверит.

Глупо улыбаюсь, вспоминая его поцелуй, его прикосновения. Они до сих пор горят на коже.

Арсений молчит, словно воздвиг между нами невидимую стену, но я чувствую, что между нами что-то изменилось.

Вскоре начинают появляться дома, а затем и указатель на базу, где должен проходить фестиваль сноуборда.

Телефон оживает и взрывается шквалом звонков и сообщений. Мама, девчонки…

Я коротко отписываюсь, что все в порядке.

Еще немного, и мы заезжаем на территорию горнолыжного комплекса. Воздух пахнет хвоей и глинтвейном. Звучат громкая музыка, смех, возбужденные голоса. Кругом флаги, баннеры… Все создает ощущение праздника. Высоко в небе сияют заснеженные вершины гор, и яркое солнце слепит глаза.

— Приехали, — говорит Арсений, избегая моего взгляда, и выходит из машины.

Он будто боится на меня смотреть. Почему?

Я иду к багажнику, забираю рюкзак и сноуборд. Прижимаюсь к доске, как к старому другу. Поднимаю голову и ловлю внимательный взгляд Арсения. Он стоит, переминаясь с ноги на ногу, руки засунуты в карманы куртки. В его глазах читается странная смесь вины и облегчения. Я не понимаю его.

— Ну что, малая, — кривит губы в натянутой улыбке Арсений. — Будь осторожна. Удачи тебе.

Он прощается. Вот так просто. Словно ставит точку. Дышать становится трудно, а в сердце впивается острый нож. К глазам подступают слезы.

— Спасибо, — говорю, собрав всю волю в кулак. — И тебе тоже удачи. И спасибо за всё. За то, что не бросил меня одну на трассе.

Делаю шаг в сторону, и в этот момент мимо проносится девушка в кислотно-ярком комбинезоне, оставляя за собой шлейф из приторно-сладкого запаха духов. Будто в замедленной съемке вижу, как она с визгом запрыгивает на шею Арсению. Он смеется, подхватывает ее под задницу, и они целуются. Страстно, жадно.

Мой мир рушится. В глазах темнеет, слезы душат. Они смеются, счастливые и беззаботные. Идеальная пара. Я разворачиваюсь и бегу прочь, не в силах больше это видеть. Какая же я была дура! Самовнушение, воздушные замки… Арсений просто помог девушке в беде.

Слезы застилают глаза. Я бегу от правды, от разбитых надежд, от себя.

Глава 7. Арсений

— Всё, Оксан, хватит, — говорю я, пытаясь отстраниться.

Смотрю на тёмную макушку Вари, исчезнувшей где-то между постройками.

Она убежала, расстроенная.

Во мне ворочается клубок вины и раздражения. Чёрт! Не стоило этого делать. Но когда я проснулся и увидел эти серые распахнутые глаза с дрожащими ресницами и манящие губы, то не смог сдержаться. А когда почувствовал ответ, вообще потерял голову. Вкус Вариных губ будто выжег на языке навязчивый след, вопреки желанию вызывая странный зуд в теле.

Варя такая настоящая, без притворства.

А теперь наверняка напридумывает себе сказок. Эта мысль, как заноза. Получается, что я сам того не желая дал этой девочке ложную надежду и сам же её забрал.

Кто я после этого?

Оксана не слышит, продолжает меня обнимать.

— Оксан, слезай, — повторяю с нажимом, расслабляя ее руки и вынуждая меня отпустить.

От этих показных объятий уже зубы сводит. Моя девушка словно живёт ради одобрения, ей необходимо демонстрировать наши отношения. И так во всём остальном.

— Загорский, ты такой зануда.

Она спрыгивает в снег, надув губы. В глазах обида и гнев, как у ребёнка, которому отказали в игрушке.

Снова отвлекаюсь, глядя туда, где скрылась Варя. Оксана что-то ворчит, но мои мысли витают в тишине заброшенного дома…

— Что? — бросаю коротко, наконец переводя взгляд на Оксану.

Пытаюсь сфокусироваться на ее лице.

— Ты вообще слушаешь? — взвизгивает она, топнув ногой и поскользнувшись. — Где ты пропадал? Что за баба с тобой была?

Смотрю на неё и молчу.

Как же ты достала своей ревностью, — думаю, глядя в её привлекательное лицо. Особенно когда нет повода.

Или всё-таки он есть? Непрошеная мысль предательски вспыхивает в голове.

— Окс, завязывай, — говорю устало. — Не надо ревновать без причины. Всё нормально, ничего не было. Я в метель попал, вот и всё.

— Я звонила тысячу раз!

— Да там связь вообще никакая была, — парирую, понимая, что отключал телефон, чтобы поберечь заряд, а включить потом просто забыл.

Оксана не умолкает, пока я навожу порядок в багажнике. Наспех скомканный спальный мешок сопротивляется, не желая помещаться в чехол и напоминая о прошлой ночи. Касаюсь его, и воспоминание тут же вспыхивает в голове. Невольно улыбаюсь.

— А где вы спали? — Голос Оксаны высок и напряжён, она явно на взводе, заметив мою реакцию.

С досадой прикрываю глаза, мысленно считая до пяти. Сейчас начнётся.

— Вы переспали?! — выпаливает она громко, на всю стоянку.

— Не говори ерунды, — резко шикаю, бросая на неё предупредительный взгляд.

— А чего ты так реагируешь? — не унимается Оксана.

С одной стороны, мне хочется рассказать ей, все как было, но с другой — я знал, что она не поверит.

— Прекращай, Окс. Что на тебя нашло? — обречённо выдыхаю. Устал за эти пять минут с ней.

— Спали мы в заброшенном доме в таких условиях, что ты вряд ли бы осталась в восторге, — ухмыляюсь. — И нет, мы не переспали. Разве я когда-то давал тебе повод так обо мне думать?

— Ну ладно, не сердись, — вдруг меняет она тон и снова обнимает меня и целует в щёку. — Пошли, покажу наш домик, — произносит с напускным восторгом.

Закрываю машину, беру рюкзак с доской, и мы отправляемся в зону отдыха, взявшись за руки. Бросаю взгляд на склон, отмечая, что условия — яркое солнце и отсутствие ветра — благоприятные, и покрытие отличное.

Вдыхаю чистый морозный воздух и чувствую прилив сил и желание поскорее встать на доску. Хочется мчаться вниз по снегу. Зудит от предвкушения.

Мы подходим к небольшому одноэтажному домику на двоих. Останавливаюсь и рассматриваю аккуратный сруб, затем большой общий коттедж неподалёку, где шумит наша компания. Что-то внутри противится.

— Зачем это? Почему не в коттедже с ребятами? — недоумеваю.

Оксана льнёт ко мне, заглядывая в глаза.

— Ну что ты, я же хочу побыть с тобой, — надувает губки. — Только вдвоём.

Звучит как дешёвая манипуляция. Терпеть не могу этого.

Вообще не понимаю, на чём держатся наши отношения. Мы с Оксаной разные. Наши отцы — давние друзья, их связывают общие увлечения и бизнес. Сколько себя помню, они хотят породниться, и для них мы с Оксаной — хорошая пара.

Мы знакомы давно, часто пересекались на праздниках, днях рождения. Однажды сходили на свидание и быстро перешли в интимную плоскость. А потом я просто не нашёл сил и желания сопротивляться и катился по рельсам. Все казалось простым и логичным. Самое главное, мне хотелось порадовать отца.

И вот нашим отношениям два года.

Мы входим в домик. Здесь уютно, пахнет деревом. Взгляд цепляется за бесчисленное количество баночек Оксаны, расставленных на всех поверхностях. Наверное, снова собрала полный чемодан вещей для поездки всего на два дня

— Кстати, а кто эта «мышка», что была с тобой? — бросает она через плечо с лёгкой насмешкой.

Не могу не обратить внимание на снобизм Оксаны, от которого накрывает раздражение и хочется заступиться за Варю. Нельзя позволять так называть людей.

— У девушки есть имя. Варвара, — сухо поправляю, чувствуя, как закипает злость. — Я уже говорил: мы просто переждали непогоду.

— Ага, — фыркает она. — Все вы так говорите.

Игнорируя выпад, отворачиваюсь к окну. Образ Вари тут же всплывает в памяти. Когда прощались на парковке… Тихий голос, доверие и искренность в глазах. Это чертовски зацепило.

— Пойду узнаю, кто в каких турах катается, — бросаю, накидывая куртку. — Заявки подать надо. Ты со мной?

— Арсюша, так сразу? — обиженно ворчит она вслед, когда я направляюсь к двери.

Выхожу на улицу, и от свежего морозного воздуха перехватывает дыхание, заставляя судорожно вздохнуть. Что-то во мне перевернулось. Пока не знаю что, но это определённо мне не нравится.

Глава 8. Варя

Утираю тыльной стороной ладони непрошеные слезы, ускоряя шаг, словно убегаю от наваждения. Целующаяся парочка так и стоит перед глазами. Во мне борются холодный разум и раненная в самое сердце девочка, посмевшая влюбиться в парня, который… нужно смотреть правде в глаза, никогда не будет со мной.

Почему же мне так неприятно и тревожно, если разум вроде всё разложил по полочкам? Что за глупости я себе напридумывала? Мы знакомы всего сутки, он просто помог мне.

Поцелуй? Ну был, и что? Это ничего не значит. Арсений Загорский и я — это как день и ночь, как сноуборд и лыжи, как шампанское и березовый сок. Мы из разных миров. Его мир — мир роскоши, власти и вседозволенности. Мой — мир учебы, мечтаний и скромных надежд.

Глупо было даже на миг представить себя больше, чем случайной попутчицей в снежной буре. Этот поцелуй — всего лишь мимолетная слабость, порожденная экстремальной ситуацией, не более. Адреналин, страх, голод и холод сделали свое дело. И мне пора выбросить эти сутки из головы .

Шмыгнув носом, подхватываю выскальзывающий из рук сноуборд и иду в сторону жилой зоны комплекса, где меня ждут девчонки. Они приехали еще вчера на автобусе, избежали метели и вовремя заселились в теплый номер.

Иду, словно в тумане, не замечая ничего вокруг. Мысли мечутся, как звери, не дают сосредоточиться. Чуть не врезаюсь в Вику и Гелю, возникших словно ниоткуда. Они замирают, смотрят на меня с укором, а потом их лица искажаются тревогой, любопытством и облегчением.

— Варя! Где тебя носило? Мы чуть с ума не сошли! — кричит Вика, тряся меня за плечи. В ее глазах искренняя тревога. — Звонили тебе сто раз! — подхватывает Геля, внимательно осматривая мое лицо. — Где ты была? Почему не отвечала?

Подруги поочередно обнимают меня, и в их объятьях я чувствую тепло и поддержку, в которых так отчаянно нуждаюсь. Я краснею, понимая, что придется отвечать на их вопросы. Они вытянут из меня все до последней капли.

— И это правда ты была с Загорским? — выпаливает Вика, беря меня под руку в предвкушении исповеди.

— С ним, — отвечаю коротко, кивая.

И начинается допрос с пристрастием.

— Обалдеть! Звезда в шоке! Ну выкладывай! Как все было? — заговорщицки толкает меня локтем.

Я вздыхаю и рассказываю о метели, о заброшенном доме, об отсутствии связи… Стараюсь опустить детали, но подруги, как акулы, почуявшие кровь, требуют подробностей, пикантных моментов — всего, что может разжечь их фантазию.

— Получается, вы всю ночь были только вдвоем? — Геля таращит глаза. — В заброшенном доме? Вау! Ну же, выкладывай! Не томи!

Сначала я молчу о поцелуе. Слишком личное, слишком больно… Но в итоге рассказываю, зная, что от них ничего не скроешь. Говорю сухо, без эмоций, стараясь свести все к фактам. Но они и так все понимают. Слушают, затаив дыхание. Когда я заканчиваю, Вика и Геля взрываются от восторга.

— О боже! Он тебя поцеловал! — визжит Вика, отпуская мой локоть и подпрыгивая на месте. — Варя, ты сорвала джекпот! Это же как в кино!

— Волшебно! — поддакивает Геля, округляя глаза. — Как он тебе? Классно целуется? А какой он в общении? Наверное, с ним сложно даже заговорить, да? — тараторит подруга.

Во мне закипает адреналин от рассказа и восторга подруг. Губы фантомно горят, напоминая о поцелуе Арсения. Теплом, нежном, уверенном… Этот поцелуй был как вспышка и оставил после себя лишь пепел и горечь.

Но я возвращаю подруг с небес на землю, рассказывая о сцене на парковке и о том, что мы, скорее всего, больше не увидимся. Случайность. Нелепая ошибка, которая больше не повторится.

Вика и Геля поникают. Их энтузиазм мгновенно улетучивается, как пар от горячего чая на морозе.

Но ненадолго.

— Да брось ты! — возмущается она, пытаясь меня подбодрить. — Забудь ее. Может, он просто развлекался? Главное, он тебя поцеловал! Импульс, страсть, озарение! Ему точно понравилось!

— Да, а может, это вообще его сестра! — добавляет Геля с надеждой в голосе. — Или в крайнем случае троюродная племянница из Австралии!

Я грустно усмехаюсь, умиляясь их наивности и непоколебимой вере в лучшее.

— Сестер так не целуют. Девчонки, перестаньте. Вы же сами понимаете, что это ничего не изменит. Он не мой герой, я не его принцесса.

— А я уверена, что вы еще встретитесь, — возражает Вика.

Я удивленно смотрю на нее, надеясь услышать то, что сейчас так отчаянно хочу слышать. У меня даже пульс учащается.

— Кстати, где твоя ласточка?

Точно! Я совсем забыла о машине.

— Должны были отбуксировать в сервис. Но как мне ее теперь забрать, мы не обсудили, — говорю… и в душе́ рождается робкая надежда.

— Ну все! Не дрейфь. Пообщаешься ты еще с этим мажорчиком, — подмигивает Геля.

Я решаю взять себя в руки. Хватит раскисать! Нужно выкинуть из головы всё, что связано с Арсением Загорским. Мне нужно привести себя в порядок, принять контрастный душ и взбодриться. И надо что-то перекусить и выпить горячего чаю.

В номере две односпальные кровати, которые девчонки уже сдвинули, и получилась одна кинг сайз.

В ванной я долго стою под горячей водой, позволяя ей смыть усталость и грустные мысли и приятные воспоминания. Но они возвращаются. Снова вижу глаза Арсения, улыбку, вкус его поцелуя.

Выключаю воду и смотрю на отражение в запотевшем зеркале. Рассматривая себя, обтираясь полотенцем, кутаюсь в теплый халат и выхожу из ванной.

Девочки ждут меня в комнате. О чем-то шепчутся, хихикают.

Мы быстро собираемся и идем завтракать в кафе на первом этаже, а после планируем отправиться на открытие фестиваля. Нужно будет зарегистрироваться и узнать расписание соревнований. Мы с Викой собираемся участвовать, а Геля будет только болеть и поддерживать нас. Она не катается на сноуборде — предпочитает более спокойный отдых.

Выходим на улицу, и я ощущаю прилив энергии. Солнце светит ярко, снег искрится, играет музыка — вокруг царит атмосфера праздника и веселья. Горнолыжный комплекс бурлит жизнью, кругом люди в ярких комбинезонах и шлемах, слышен смех, разговоры, шелест сноубордов и лыж по снегу.

И в этой суматохе я вдруг чувствую взгляд. Тяжелый, пронзительный, обжигающий. Невольно поворачиваюсь и натыкаюсь глазами на… Арсения.

Он стоит чуть поодаль, облокотившись на перила смотровой площадки. Его взгляд прикован ко мне. Он не улыбается, не машет, просто слегка кивает, словно приветствует старую знакомую, и отворачивается, возвращаясь к разговору с парнем, стоящим рядом.

А у меня сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Дыхание перехватывает, в ушах звенит. Стараюсь взять себя в руки и делаю вид, что ничего не произошло. Но внутри все бушует, как океан во время шторма. Эта мимолетная встреча пробудила во мне все те чувства, которые я так отчаянно пыталась подавить. И теперь я понимаю, что забыть Арсения Загорского будет гораздо сложнее, чем я думала.

Глава 9. Варя

Солнце ласково греет лицо, музыка бьется в такт с пульсом, вызывая эйфорию. И, конечно, этот ни с чем не сравнимый звук — скрежет кантов по снегу.

Горнолыжный курорт — эпицентр веселья и адреналина, место, где можно забыть обо всем на свете. Я, словно губка, пытаюсь впитать эту атмосферу праздника, раствориться в потоке позитивных эмоций, почувствовать себя частью этого безумного прекрасного мира скорости и свободы.

Мы с девочками — Викой и Гелей — лавируем сквозь плотную толпу лыжников и сноубордистов к стойке регистрации на студенческие соревнования. Вокруг оживление: спортсмены в ярких костюмах снуют туда-сюда, проверяя экипировку, разогреваясь и перебрасываясь шутками. То и дело попадаются знакомые лица — парни и девушки из университета. Кому-то машем, кому-то киваем, обмениваясь короткими репликами. С кем-то хорошо знакомы, с другими просто здороваемся. В воздухе витает атмосфера всеобщего братства, единства людей, объединенных любовью к горам и зимним видам спорта.

Наконец, у стойки регистрации, где, предъявив студенческие билеты, мы получаем свои номера участниц.

Устроившись на трибунах, готовимся к захватывающему зрелищу. Солнце слепит глаза, отражаясь от искрящегося снега, но мы не обращаем внимания, предвкушая головокружительные трюки и скорость.

— Смотри, Варь, твой спаситель, — заговорщицки произносит Вика, игриво подталкивая меня локтем в бок и указывая на группу парней возле подъемника.

Сердце предательски ускоряет темп. Стараюсь не смотреть в их сторону, но взгляд сам собой притягивается к Арсению. Его невозможно не заметить. Спокойный и собранный, в фирменном синем костюме с яркими желтыми вставками, он привлекает внимание. Сноуборд за спиной и шлем в руке добавляют образу уверенности покорителя снежных вершин.

Знаю, что не должна смотреть, но не могу оторвать взгляда. Его уверенность, сила и внутренняя харизма притягивают меня, словно мотылька к огню.

Закончив беседу, парни направляются к подъемнику. Невольно слежу за каждым движением Арсения: как непринужденно застегивает крепления на сноуборде, как поправляет перчатки, как перебрасывается парой слов с инструктором. В каждом его действии — уверенность и профессионализм.

Мы ждем внизу, наблюдая, как спортсмены покоряют трассу. Склон отлично просматривается, поэтому мы видим все элементы их заездов, каждый трюк и поворот. Аплодируем после каждого выступления, выражая восхищение, а участники машут в ответ, благодаря за поддержку. И вот подходит очередь Арсения.

Музыка стихает. Кажется, даже ветер затаил дыхание. Все взгляды прикованы к нему. Он стоит на краю склона, словно хищник, готовый к прыжку. Пауза, глубокий вдох, и он отталкивается, летит вниз, как хищная птица, расправляющая крылья.

— Вот это да! — восхищенно выдыхает Вика, завороженно наблюдая за его спуском. — Смотри, что вытворяет! Просто невероятно!

— Да, Загорский — ас, — соглашается Геля, не отрывая взгляда от склона. — Ему нет равных!

Трюк следует за трюком, один сложнее другого. Скорость, грация, уверенность. Арсений выполняет невероятные пируэты в воздухе под взрывы аплодисментов. Кажется, он слился со сноубордом в одно целое, и они танцуют свой смертельный танец на головокружительной высоте. Арсений великолепен!

Я забываю обо всем на свете. В этот момент для меня не существует никого и ничего, кроме него. Затаив дыхание, наблюдаю за его спуском и чувствую себя так, словно сама нахожусь там, наверху, и выполняю все эти сложные трюки. Сердце колотится, а внутри тела разливается тепло от напряжения и восторга.

Когда Арсений финиширует, резко затормозив и эффектно развернувшись, обдав толпу облаком снежной пыли, я выдыхаю с облегчением и хлопаю в ладоши вместе со всеми зрителями. Победа абсолютно заслуженная.

Арсений снимает шлем, откидывает влажные волосы со лба, и его взгляд скользит по трибунам. Наши взгляды встречаются. На долю секунды он задерживает свой на мне, и я чувствую, как по коже бегут мурашки, как в животе разливается приятное томление.

Но это длится недолго. Мне не по себе, словно кто-то пристально наблюдает за мной. Ощущаю чужой взгляд, колючий и неприятный. Оглядевшись, замечаю девушку Арсения, стоявшую в стороне, рядом с трассой.

Заметив мой интерес к Загорскому, она одаривает меня холодным оценивающим и полным неприязни взглядом. В ее глазах читается неприкрытая злоба и ревность.

Внутри меня все сжимается в колючий комок. Внезапно становится холодно. Чувствую себя неловко.

Поспешно отвернувшись, пытаюсь успокоиться и сосредоточиться на предстоящем заезде. Нужно собраться с мыслями и выкинуть из головы все посторонние мысли, особенно этот прожигающий взгляд.

— Ничего, — шепчет Геля, словно угадав мои мысли. — Сейчас твой выход. Покажи этой самодовольной принцессе, из чего сделаны настоящие девчонки. Докажи ей, что ты тоже кое-что можешь.

Её слова немного приободряют. Нужно собраться и показать класс.

Глава 10

С самого первого раза, как я встала на доску, я дала себе слово, что однажды окажусь на вершине горы. Что я чувствую сейчас? Адреналин и мандраж , но желание победить сильнее страха.

Внизу люди кажутся муравьями. Передо мной — белоснежная трасса, с этой высоты похожая на тонкую нить, связывающая меня с финишем. Солнце освещает ее, словно прожектор.

Вспомнив напутствия тренера, глубоко вдыхаю морозный воздух и отталкиваюсь. Доска оживает подо мной, скользя по идеально подготовленному снегу. Ветер бьёт в лицо, но очки защищают глаза, не давая им слезиться. В голове только трасса, повороты, скорость. Никаких сложных трюков, никакого лишнего риска. Я ловлю ритм и плавно перехожу из одного поворота в другой, чувствуя каждое движение доски, каждый сантиметр склона. Мы с доской — единое целое, она повинуется лишь законам гравитации и моей воле.

С каждым метром уверенность растёт, волнение отступает, уступая место чистому восторгу. Я лечу!

Финиширую, не в силах сдержать триумф. Я смогла! Проехать всю трассу без падений и ошибок. Меня переполняет гордость.

Вскоре объявляют победителя, и я побеждаю в своей категории с небольшим отрывом! Моё имя эхом разносится по горному склону, вызывая аплодисменты и восторженные крики. Это мой момент!

Подруги подбегают, обнимают, поздравляют.

— Варя, ты крутышка! — верещит Геля, чуть не задушив меня в объятиях.

— Он смотрел. Сама знаешь кто, — загадочно улыбается Вика, намекая на Арсения.

Я счастлива. Всё не зря! Арсений тоже заметил мою скромную победу. В каком-то смысле я посвятила её ему. Желание понравиться ему было дополнительной мотивацией.

Сидя на трибуне, я пытаюсь отдышаться после выступления. Адреналин отступает, оставляя приятное опустошение и чувство выполненного долга.

Неожиданно меня втягивают в шуточную парную борьбу за приз зрительских симпатий, организованную для всех победителей сегодняшних соревнований. Пара должна состоять из профессионала и любителя. Организаторы решили добавить юмора в программу.

Сначала я не придаю этому значения, но вдруг слышу свою фамилию. А потом понимаю, что моим напарником, выбранным рандомайзером, становится Арсений Загорский.

Время останавливается. Сердце бешено колотится. Каждая клеточка тела трепещет от восторга и страха. Кровь приливает к лицу, обжигая щёки.

Не может быть!

Я оглядываюсь, ища подтверждения. Все взгляды устремлены на меня. Кто-то перешёптывается, кто-то одобрительно кивает, кто-то просто смотрит с любопытством.

Я в замешательстве. Радоваться или нет? Это шанс, о котором я и не мечтала, или катастрофа, которая выставит меня на посмешище?

И тут я вижу его. Арсений идёт ко мне лёгкой уверенной походкой. На его лице едва заметная обезоруживающая улыбка. Он выглядит спокойным, собранным… нереальным. В его глазах нет надменности, лишь искренний интерес и лёгкая ирония.

Подойдя вплотную, он останавливается и протягивает руку.

— Ну что, Варя, кажется, нам придётся поработать вместе, — говорит мягко, смотря мне в глаза изучающе и немного смущённо.

Его взгляд проникает в душу, заставляя меня трепетать.

Я не могу вымолвить ни слова. Просто киваю, заливаясь краской. Вкладываю ладонь в его тёплую и сильную руку. Он слегка сжимает мои пальцы, и по моему телу пробегает электрический разряд.

— Это прикол какой-то просто, — выдыхаю я, пытаясь скрыть волнение за нервным смешком. — Такого просто не может быть. Чувствую себя героиней дурацкого романа.

— Есть такое, — ухмыляется он, понимающе глядя мне в глаза.

Не выдержав этого контакта, отвожу взгляд.

— Тогда давай покажем им всем, на что мы способны! — говорит он с азартом. — Поможешь мне надрать им всем задницы?

Он протягивает руку, чтобы я отбила ему, и я с радостью это делаю.

— Ага, — улыбаюсь, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

И вот мы стоим перед началом конкурса. Ведущий объявляет правила: нам нужно вместе преодолеть полосу препятствий, выполняя разные задания. Проехать спиной друг к другу, держась за руки, вместе перепрыгнуть через препятствие, обогнуть флажки, стоя на одной доске. Это звучит забавно и сложно, но главное — безумно неловко.

Я чувствую себя не в своей тарелке. Вокруг много людей из университета, и его девушка. Боюсь опозориться, подвести Арсения.

— Не волнуйся, Варь, — шепчет он мне на ухо, заметив замешательство. От его близости по телу пробегает дрожь. — Просто расслабься и получай удовольствие. У нас всё получится!

Я улавливаю приятный запах его парфюма, пахнущего свежестью и мужественностью. Его слова придают уверенности. Я делаю глубокий вдох и стараюсь выбросить негативные мысли. Нужно просто довериться ему и не думать о том, что будет потом.

Звучит сигнал старта. Мы начинаем.

Первое задание самое сложное: проехать спиной друг к другу, держась за руки. Я постоянно теряю равновесие, а Арсений меня удерживает. Мы смеёмся, падаем, поднимаемся и двигаемся вперёд.

— Давай, Варя, немного левее! — кричит Арсений, его голос звучит близко и взволнованно. — Отлично! Теперь немного правее! Молодец!

Он поддерживает, подсказывает, помогает, не даёт растеряться. Терпеливый и галантный, словно опытный партнёр, ведущий неумелую танцовщицу. Я чувствую себя увереннее, расслабляюсь и позволяю ему вести меня.

Следующие задания оказываются проще: вместе перепрыгиваем через препятствия, обходим флажки, стоя на одной доске. Забавно, но требует концентрации и слаженной работы. С каждым заданием мы работаем всё лучше, понимаем друг друга с полуслова.

Арсений — отличный тиммейт. Он чувствует и понимает меня. Он не только талантливый спортсмен, но и прекрасный партнер.

И, конечно, с его помощью мы побеждаем!

Когда пересекаем финишную черту, трибуны взрываются аплодисментами. Обнимаемся на радостях, сами не понимая, как это происходит. Нас притягивает друг к другу, словно магнитом. Эйфория, восторг, чувство победы — всё это сливается в бурный поток эмоций. Объятия невинные, но когда Арсений шепчет мне на ушко:

— Вишневская, значит. Вишенка.

…меня накрывает волна мурашек от интимности, и я отталкиваю его, словно очнувшись от наваждения, испытывая внезапную неловкость. Этот момент кажется мне чем-то большим, чем просто дружеское объятие.

Арсений спешно опускает руки и пристально смотрит на меня. Я краснею, смущённо отводя взгляд, и пытаюсь скрыть смущение за натянутой улыбкой.

Я понимаю, что этого не должно было случиться. Этот спонтанный порыв радости, это мимолетное объятие — всё это неправильно. У него есть девушка. А я… я просто влюбилась не в того парня. И теперь мне придётся жить с этим, стараясь не выдавать своих чувств.

Глава 11. Варя

Вымотанные, но довольные после соревнований, мы втроём возвращаемся в номер. Скорее хочется отдохнуть и переодеться — вечером на площади у подножия горы обещают грандиозный праздник с костром. Местные говорят, это давняя традиция, и мне не терпится увидеть всё своими глазами. Предвкушение праздника вызывает улыбку.

Меня переполняют эмоции, захлёстывает смесью эйфории от победы и… воспоминаний о последнем прокате с Арсением. Адреналин покалывает в пальцах и вызывает лёгкую дрожь в коленях.

— Девчонки, ну вы скоро? — раздается голос Вики из коридора. Она единственная из нас уже полностью одета и обута и переминается с ноги на ногу от нетерпения.

— Да идём мы уже, идём, — хором отвечаем мы с Гелей, одновременно застегивая молнии на тёплых горнолыжных куртках.

Когда приходим на место, площадь уже бурлит весельем. Гирлянды переливаются всеми цветами радуги, раскрашивая снег, а в воздухе витает пьянящий аромат сосновой хвои и пряного глинтвейна из ближайших палаток.

В центре возвышается огромное кострище, умело сложенное из сухих веток и готовое вспыхнуть.

Мы сразу же окунаемся в эту атмосферу всеобщего веселья. Организаторы праздника постарались на славу. Помимо яркого оформления и эффектного освещения они продумали программу до мелочей: конкурсы, игры, зажигательные выступления музыкальной группы. Музыканты, кажется, знают все современные хиты наизусть, безошибочно угадывая настроение толпы.

— О, девчонки, привет! — доносится знакомый мужской голос, вырывая меня из танца.

Я перевожу взгляд и вижу компанию парней с нашего курса.

— Привет-привет! — отвечаем мы хором, приветливо улыбаясь.

Среди них выделяется Женя Селиверстов — парень, который, кажется, ко мне неравнодушен. Он действительно хороший — добрый, отзывчивый, всегда готов помочь, — но я чувствую себя немного неловко в его обществе. Не хочу давать ложную надежду и потом его разочаровывать.

«Я знаю, как это неприятно, да, Варя?» — мелькает мысль в голове.

— Вы тут с кем? — спрашивает один из парней с любопытством.

— Сами по себе, — игриво отвечает Геля, пританцовывая и кокетливо поправляя шапку.

— Не против, если мы к вам присоединимся? — Парень явно намеревается познакомиться поближе.

— Попробуйте, — уклончиво отвечаю я, вежливо улыбаясь.

Ребята остаются с нами и разбавляют наши девичьи голоса своими мужскими, а наши разговоры — шутками и смехом. Они рассказывают смешные истории из студенческой жизни, подшучивают друг над другом и создают атмосферу лёгкости и веселья.

Я стараюсь вести себя непринужденно, но то и дело ловлю на себе взгляд Жени. Чувствую, как он следит за каждым моим движением и в какой-то момент оказывается рядом со мной.

— Варя, может, тебе глинтвейна принести? — предлагает дружелюбно и кивает на мой полупустой стакан.

— Спасибо, у меня ещё есть, — вежливо отказываюсь я, покручивая стаканчик в руках и делая маленький глоток.

Терпкая жидкость приятно обжигает губы и согревает изнутри, но не может прогнать мою скованность. А

Женя не уходит — нерешительно переминается с ноги на ногу рядом.

Повисает неловкая пауза.

— Классный праздник, правда? — говорит Женя, пытаясь поддержать разговор.

— Ага, — коротко отвечаю, не зная, что еще сказать.

— Тебе нравится?

— Я первый раз на таком, — признаюсь.

— Я видел на соревнованиях, как ты катаешься, — оживляется он, явно обрадовавшись возможности найти общую тему. — Ты крутая! У тебя здорово получается.

— Спасибо, — смеюсь я на этот раз искренне. — Буду стараться кататься ещё лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.